

ДЕТСТВО В ЛИТЕРАТУРЕ И ЛИТЕРАТУРА О ДЕТСТВЕ

УДК 82.09(470)

DOI: 10.23951/1609-624X-2019-1-58-66

ДЕТСКАЯ ТЕМА В ЛИРИКЕ Г. ИВАНОВА

А. А. Хадынская

Сургутский государственный университет, Сургут

Введение. Рассматривается тема детства в лирике Георгия Иванова, по свидетельству многих, лучшего поэта русского зарубежья, принадлежащего к поколению первой волны эмиграции. Тема детства прослежена на материале всего корпуса лирики Г. Иванова с учетом влияния акмеистических установок поэта, а также формирования экзистенциального мировидения в его позднем творчестве. *Цель:* проследить эволюцию детской темы у Г. Иванова от идиллического изображения детей в контексте пасторального комплекса, характерного для ранней лирики поэта, до экзистенциального, свойственного его зрелому творчеству. *Материалы и методы.* Методология исследования основана на интерпретации художественных текстов с опорой на теоретико-литературоведческие понятия (акмеизм, литературная традиция, поэзия диаспоры и метрополии и пр.). Использовался также сравнительно-исторический метод применительно к анализу текстов, типологически близких, но имеющих временную дистанцию. *Результаты и обсуждение.* Тема детства в литературе русского зарубежья уже была предметом научных изысканий, но на поэтическом материале подобных исследований еще очень немного, это касается и лирики Г. Иванова. Была рассмотрена эволюция детской темы у поэта в связи с акмеистическими воззрениями автора, выявлены метаморфозы темы в связи с появлением в лирике ностальгической и экзистенциальной тематики, связанной с эмиграцией. *Заключение.* Лирическое воплощение темы детства у раннего Г. Иванова связано с его акмеистическими установками, образы детей имеют вид «культурного клише» (амуры, ангелочки, девочки-пейзанки) и вписаны в общий пасторальный модус. Детство, сообразно геософским установкам Н. Гумилева, в чей круг входил поэт, воспринимается Г. Ивановым как начало культурного путешествия, поэтому ювенильная тематика сопровождается у него большим количеством литературных и культурологических аллюзий. В эмигрантской лирике тема детства оказывается неразрывно связанной с мортальной тематикой, что соответствует общему настроению последних сборников поэта. Образ детства искажается, порой до неузнаваемости, включаясь в общее настроение безысходности, ностальгии и эмигрантской тоски.

Ключевые слова: *Георгий Иванов, поэзия русской эмиграции первой волны, тема детства, пасторальные мотивы, экфрасис, аллюзия, акмеистические традиции, экзистенциальные мотивы.*

Введение

Детство в гуманитарных науках рассматривается как особая категория: антропологическая, социологическая, философская, культурологическая. Современные подходы к детству объединяет отношение к нему не как к подготовке к взрослой жизни, а как к уникальному периоду жизни человека, первому опыту познания мира, рефлексия которого освещает весь дальнейший жизненный путь человека. Философия детства рассматривалась, в частности, М. Эпштейном, который придавал особую важность младенчеству как первому опыту бессловесного постижения жизни, при котором особая роль отводится родителям как «трансляторам», «переводчикам» и «хранителям» сокровенных детских знаний о мире, не могущих еще воплотиться в слове [1]. Работы Д. И. Фельдштейна [2], Е. Е. Сапоговой [3], А. А. Сальниковой [4, 5], К. Н. Поливановой [6], Е. Н. Суворкиной [7], С. А. Пономаревой [8], А. А. Плескачевской [9],

Т. Д. Попковой [10], Е. М. Рыбинского [11], А. Заваровой [12], Д. И. Мамычевой [13], В. В. Савицкой [14], М. Мид [15], R. Kuhn [16], D. Elkind [17], A. James [18, 19], R. Vollkommer [20], G. V. Matthews [21] и др. дают представление о различных аспектах изучения мира детства в современных гуманитарных областях знания. С литературоведческой точки зрения детство представляет интерес для исследователей как начало постижения мира героем сообразно определенному периоду литературного процесса (как известно, детство как культурный феномен было открыто романтиками); об этом работы А. Н. Ястребова [22], Л. В. Федотовой [23], М. Н. Эпштейна и Е. Юкиной [24].

Детская тема в русской литературе XX века с недавних пор стала предметом пристального научного интереса, среди наиболее значимых исследований последних лет назовем работы Н. А. Дворяшиной. В монографии «Феномен детства в творчестве русских символистов: Ф. Сологуб, З. Гиппиус,

К. Бальмонт» исследователь выводит интерес к детскому миру из общей установки символистов, для которых детский вопрос приобрел «проблемно-ключевое значение» вследствие их ориентации на выработку новой художественно-философской системы» [25]. В монографии «Детство как духовно-нравственная ценность в русской литературе XX века» автор рассматривает начальную пору человеческой жизни на широком художественном материале (А. Ремизов, И. Бунин, М. Шолохов, Ю. Казаков и пр.), отмечая, что «пристальное внимание к „детству“ как важнейшей нравственно-философской теме... <...> приобретает всеобщий характер, становится одной из доминант всей русской литературы на протяжении XX века» [26].

Феномен детства в литературе русской эмиграции, особенно первой волны, занимает важное место, хотя бы потому, что вследствие тектонических сдвигов в судьбах поэтов и писателей, спровоцированных беженством, этот период приобрел сакральный смысл, особую символику и стал осознаваться не просто как веха в личной биографии, а как нить, держащая связь эмиграции с навсегда оставленной родиной. Не случайно В. Набоков в «Других берегах» сказал об этом так: «Моя тоска по родине лишь своеобразная гипертрофия тоски по утраченному детству» [27, с. 27].

Миру детства в русском зарубежье были посвящены III Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 2009, Дом-музей М. Цветаевой) [28]. Междисциплинарный подход позволил рассмотреть этот феномен под различными углами зрения: под социальным и психолого-педагогическим, культурным и языковым, а также собственно литературоведческим (разыскания в области темы детства у различных авторов-эмигрантов). Среди исследований заслуживают внимания работы А. Г. Разумовской [29] и О. С. Кочетковой [30] и др., в которых мир детства русского зарубежья представлен в авторских исследовательских интерпретациях. При всем серьезном охвате проблемы, с нашей точки зрения, исследований в поэтической сфере в сборнике представлено немного, больше авторов докладов интересовала выраженность темы в ее традиционном варианте мемуаров и дневников, нам же показалось важным рассмотреть феномен детства в контексте поэтического мира представителей русского зарубежья первой волны, при понимании несомненной ценности упомянутых прозаических автобиографических свидетельств.

Собственно лирическое преломление темы детства у эмигрантов первой волны, на наш взгляд, еще недостаточно рассмотрено исследователями и представляет собой особый вид рефлексии, иногда коррелирующий с имеющимися мемуарными ва-

риантами у того же автора, а иногда и отличающийся от них: каждый раз это становилось индивидуальным лирическим решением.

Наше внимание привлекли поэты, принадлежащие к «парижской ветви» русской эмиграции, связанные с «петербургским текстом» русской литературы, реализующие в своей поэтике традиции акмеизма. Именно в их лирике, на наш взгляд, наиболее ярко проявилась детская тема «петербургско-царскосельского извода» в ее эмигрантском преломлении. Наследники этого поэтического течения весьма представительны в поэзии русского зарубежья, и это еще не стало темой отдельного исследования. Постакмеистический вектор четко проявился у нескольких поэтов-эмигрантов, в частности, в предисловии к собранию сочинений Г. Адамовича О. Коростелев определяет эту когорту так: Г. Адамович, Г. Иванов, И. Одоевцева, Н. Оцуп [31]. Действительно, перечисленные поэты гумилевского круга были настоящими учениками мэтра, за границей даже была сделана попытка реанимации «Цеха поэтов». Каждый из них стал яркой поэтической индивидуальностью и выбрал свой путь в поэзии, но остается несомненным, что все они родом из «гумилевского гнезда». Кроме означенных фигур, отсвет акмеизма лег и на другие поэтические эмигрантские сообщества, в частности на так называемую «парижскую ноту» и поэзию Русского Харбина.

Постакмеистические версии детства демонстрируют сходство в рассмотрении этого феномена у разных поэтов в указании на него как на некий особый локус, откуда начинается большое культурное путешествие. Следуя постулатам акмеизма и географии Н. Гумилева, поэты маркировали начало пути как культурное лоно, откуда произросла их собственная лирика и куда они постоянно возвращаются.

Материал и методы

Феномен детства в лирике Георгия Иванова, на наш взгляд, следует рассматривать в контексте «петербургского текста», к ярким выразителям которого поэт принадлежал, а также с учетом акмеистической ориентации автора, претерпевшей значительные изменения в его поздней лирике. Интересующую нас тему мы рассмотрели во всем лирическом наследии поэта, обращая внимание на важные отличия ранних и поздних сборников. Литературоведческая интерпретация текста была произведена как с учетом биографической ситуации (вынужденный отъезд за границу), так и собственно особенностей поэтики и картины мира Г. Иванова.

Результаты исследования и обсуждение

В рассматриваемой теме чрезвычайно важным оказался биографический аспект, о чем в случае с

Георгием Ивановым следует сказать подробно. Георгий Иванов (1894–1958), по признанию многих, лучший поэт русского зарубежья, провел свое детство не на берегах Невы, а на берегах Немана, в имении Пуки Сядской волости Тельшевского уезда Ковенской губернии, которое сгорело в начале XX века. Но в мемуарах поэт вспоминает не его, а имение Гедройцы под Вильной, где, вероятно, жили его богатые родственники и где он часто бывал. Сейчас уже практически невозможно установить истинные события детства поэта, слишком уж разнятся сведения о них у него самого и у его жены И. Одоевцевой, кроме того, под влиянием вкусов эпохи Г. Иванов был склонен к мистификациям и сочинению «загадочной автобиографии». Он учился во 2-м кадетском корпусе в Петербурге, причем был туда переведен из Ярославского кадетского корпуса. По состоянию здоровья (тяжело переболел воспалением легких) он был вынужден покинуть заведение после 5-го класса, не доучившись два года. Более никакого образования Г. Иванов не получил. Кадетское детство никак не отразилось в его стихах, чего не скажешь о дворянской родословной и детстве в имении, описанных с великой долей сочинительства, следуя известному наказу И. Анненского: «Первая задача поэта – выдумать себя». Ивановское «мифологизированное» детство прошло в родовой усадьбе со старинным домом, картинами на стенах, мейсенским фарфором, большой библиотекой – все атрибуты «дворянского гнезда» в духе Серебряного века. Будучи весьма переимчивым (он станет одним из самых «центонных» русских поэтов), Г. Иванов, следуя художественной моде начала XX века, ориентации на живописность, создает свою галерею портретов знаменитых предков, среди которых лирического героя привлекает портрет пращура:

Беспокойно сегодня мое одиночество –
У портрета стою – и томит тишина...

Мой прапрадед Василий – не вспомню я отчества –
Как живой, прямо в душу глядит с полотна.

[32, с. 102]

О мистифицированной автобиографической подоплеке стихотворения мы уже писали ранее в связи с аллюзией на него у Анатолия Штейгера (поэтический портрет в интерпретации двух поэтов) [33]. В изображении Г. Иванова портрет предка дан в ироническом ключе, импровизированная картина наполнена узнаваемыми культурологическими деталями, отсылающими к парадным портретам фамильных галерей:

Темно-синий камзол отставного военного,
Арапчонок у ног и турецкий кальян.
В заскорузлой руке – серебристого пенного
Круглый ковш. Только, видно, помещик не пьян.

Хмурит брови седые над взорами карими,
Опустились морщины у темного рта.

Эта грудь, уцелев под столькими ударами
Неприятельских шашек, – тоской налита.

[32, с. 102]

По семейному преданию, прапрадед Василий уморил до смерти свою жену в «подземелье», и на склоне лет его мучает совесть. Лирический герой (праправнук) тоже знает эту историю, но «живые глаза», смотрящие на него с полотна, переводят семейное предание в иронический план.

Живописные аллюзии в своих стихах на Ватто, Гейнсборо, Лоррена поэт объяснял знакомством с ними с детства, якобы полотна висели в родовом поместье. А. Арьев убедительно утверждает, что это чистой воды мистификация, по его разысканиям, отец поэта был весьма небогат и в списках землевладельцев Ковенской губернии не значился, а сам дом был не родовой, а куплен им у полкового товарища задешево [34].

На страницах ранней лирики Г. Иванова рождается особый усадебный мир старых «дворянских гнезд», что отвечало художественным вкусам того времени и с блеском выполняло акмеистические задачи (в случае Г. Иванова – интерес к интерьерным деталям, мелочам быта, живописным садам и пр.).

Детская тема, кроме мистифицированного проживания лирического героя в несуществующей усадьбе, проявляется в разнообразных культурных аллюзиях, традиционных для акмеизма с его «тоской по мировой культуре», а также для лирики одного из его предтеч – Михаила Кузмина, чье влияние на молодого поэта более чем очевидно. У раннего Г. Иванова дети изображены исключительно в клишированном виде пасторального толка: пастушки, милые ангелочки-амуры и девочки-пейзанки, причем запечатлены они в экфрастическом варианте, как герои импровизированных картин «старых мастеров», в их описании много визуальных деталей (выделение наше – А. Х.):

Я помню кисти винограда
На блюде с древнею резьбой.

И девочки-крестьянки руки...

[32, с. 50]

Сосновая ветка качнулась над темной рекой,
И в воздухе тонком блеснул, задевая камыш,
**Серебряный камешек, брошенный детской
рукой...**

[32, с. 51]

Венецианское зеркало старинное,
Вкруг фарфоровыми розами увитое...
Что за мальчик с улыбкою невинною
Расправляет крылышки глянцевиные

Перед ним? Не трудно проказливого
Узнать Купидона милого...

[32, с. 66]

Сначала – тоненькою кистью
Искусный мастер от руки,
Чтоб фон казался золотистой,
Чернил кармином завитки.
**И щеки пухлые румянил,
Ресницы наводил слегка
Амуру, что стрелою ранил
Испуганного пастушка.**

[32, с. 100]

**Цитерский голубок и мальчик со свирелью,
На мраморной плите – латинские стихи.**
Как нежно тронуты прозрачной акварелью
Дерев раскидистых кудрявые верхи.

[32, с. 155]

Ту вазу, вьющимся украшенную хмелем,
Ваяла эллина живая простота:
**Лишь у подножия к пастушеским свирелям
Прижаты мальчиков спокойные уста.**

[32, с. 176]

Сейчас по голубой пустыне,
Поэт, для одного тебя,
**Промчится отрок на дельфине,
В рожок серебряный трубя.**

[32, с. 234]

Дымится роща, от дождя сырая,
На кровле мельницы кричит петух,
И, жалобно на дудочке играя,
Бредет за стадом маленький пастух.

[32, с. 211]

Пастораль у Г. Иванова имеется как западноевропейского, так и «русского разлива» (см. о пасторали в ранней лирике Г. Иванова нашу монографию [35]: например, описание масленицы явно «кустодиевского» происхождения, стихотворение напоминает словесную иллюстрацию к известной картине художника, откровенно стилизована и лубочна; для понимания визуального эффекта приведем большой фрагмент (выделение наше. – А. Х.):

Мороз немного колется,
Костры дымят слегка,
И сердце сладко молится
Дыханью ветерка.
Отвага молодецкая
И сани, что стрела,
**Мне масляная детская
И русская мила.**

**Чья? Ванина иль Машина
Отвага веселей
На тройке разукрашенной
Летит среди полей?**

Трусит кобылка черная,
Несется крик с катков,
А полость вся узорная
От пестрых лоскутков.

[32, с. 91]

Встречаются у Г. Иванова и литературные аллюзии на детскую тему, например, одна из них – обращение к драме Метерлинка «Синяя птица», что вполне отвечает общему эстетическому тону культурного круга Г. Иванова в предреволюционные годы (увлечение «новой драмой», «мирискусники» и пр.). Стихи подчеркнута эстетичны, не по-мужски нежны и также откровенно стилизованы (выделение наше. – А. Х.):

В середине сентября погода
Переменчива и холодна.

**Небо точно занавес. Природа
Театральной нежности полна.**

Каждый камень, каждая былинка,
Что раскачивается едва,

**Словно персонажи Метерлинка,
Произносят странные слова:**

– Я люблю, люблю и умираю...

– Погляди – душа, как воск, как дым...

– **Скоро, скоро к голубому раю
Лебедями полетим...**

[32, с. 213]

Среди культурных отсылок найдем и обращение к символике Святого семейства, причем в изображении поэта это снова экфрастические описания, аллюзии на многочисленные изображения Марии, Иосифа и младенца Иисуса, несколько клишированные, но выдающиеся в авторе истинного ценителя живописи; объемная цитата дает представление об этом излюбленном приеме Г. Иванова (выделение наше. – А. Х.):

Наконец-то повеяла мне золотая свобода,

Воздух, полный осеннего солнца, и ветра, и меда.

Шелестят вековые деревья пустынного сада,

И звенят колокольчики мимо идущего стада,

И молочный туман проползает по низкой долине...

Этот вечер, однажды, уже пламенел в Палестине.

Так же небо синело и травы дымились сырые

**В час, когда пробиралась с младенцем
в Египет Мария.**

**Смуглый детский румянец, и ослик, и кисть
винограда...**

Колокольчики мимо идущего звякали стада.

И на солнце, что гасло, павлиньи уборы отбросив,
Любовался, глаза прикрывая ладонью, Иосиф.

[32, с. 214]

Религиозная тема Святого семейство поддержана у Г. Иванова ее «светской вариацией» – Рождества в кругу семьи, когда в эти святые дни в доме царят лад и покой, все собираются у огня; у поэта подобные картины не имеют автобиографических отсылок, также даны в виде «шаблонных зарисовок», как «сусальные» иллюстрации в сборниках для семейного чтения:

Там путник, постучав в гостеприимный дом,
Увидит круглый стол в вечернем полусвете.
Окончен день с его заботой и трудом,
Раскрыта Библия и присмирели дети...

[32, с. 246]

К редкому случаю у Г. Иванова отнесем стихотворение, целиком посвященное ребенку (подростку), и в нем угадываются аллюзии на Достоевского («Уличный подросток»). «Литературная привязка» снова лишает образ жизненности, герой уличной зарисовки шаблонен, его портрет демонстративно визуален, статичен, что подчеркивается «мазками» в виде номинативных предложений, глаголов в настоящем времени. Аллюзивным планом, кроме Достоевского, выступают Блок, Есенин, а также целый пласт городского криминального фольклора:

Ломающийся голос. Синева
У глаз и над губою рыжеватый
Пушок. Вот – он, обычный завсегда
Всех закоулков. Пыльная ль трава
Столичные бульвары украшает,
Иль мутным льдом затянута Нева –
Все в той же куртке он, и голова
В знакомой шляпе. Холод не смущает
И вялая жара не истомит
Его. Под воротами постоит,
Поклянчит милостыню. С цветами
Пристанет дерзко к проходящей даме.
То наглый, то трусливый примет вид,
Но финский нож за голенищем скрыт,
И с каждым годом темный взор упрямея.

[32, с. 180]

В изображении детей у Г. Иванова ситуация резко меняется в эмигрантских стихах: утопический мир уступает место суровой правде жизни, тема смерти становится доминирующей в лирике поэта. Взрослая жизнь составляет разительный контраст этому лучезарному пасторальному миру петербургского периода (выделение наше. – А. Х.):

Счастья нет, и мы не дети.
Вот и надо выбирать –
Или жить, как все на свете,
Или умирать.

[32, с. 282]

Детство становится экзистенциальной категорией; отнесенной в невозвратное прошлое, оно усугубляет бессмысленность взрослой жизни:

Это месяц плывет по эфиру,
Это лодка скользит по волнам,
Это жизнь приближается к миру,
Это смерть улыбается нам.
Обрывается лодка с причала
И уносит, уносит ее...
**Это детство и счастье сначала,
Это детство и счастье твое.**

[32, с. 298]

Сиянье. В двенадцать часов по ночам,
Из гроба.

**Все – темные розы по детским плечам.
И нежность, и злоба.**

[32, с. 306]

В последующих стихах возрастает доля цинизма и черного отчаяния, и тема детства уже неразрывно связана с темой смерти. Эстетизм и витиеватость раннего поэтического слога уступают у поэта место строгим, почти «прозрачным» стихам, потрясающим своей прямоотой, «оголенностью» и безжалостностью. Взрослый герой уже не может «зацепиться» за детство, он словно лишился всех кровных связей, его пронизывает чувство экзистенциального одиночества и холода («голый человек на голой земле»), бесприютность и разрыв социальных связей стали его уделом. Нарастают апокалиптические настроения, ребенок вписывается в общий круг жизни как начальное звено, но нет гарантии того, что этому ростку будет дан шанс «проклонуться» (выделение наше. – А. Х.):

Воскресают мертвецы,
Наши деды и отцы,
Прашурь и предки.
Рвутся к жизни, как птенцы,
Из постылой клетки.
**Вымирают города,
Мужики и господа,
Старички и детки.**
И глядит на мир звезда
Сквозь сухие ветки.

[32, с. 324]

...Нельзя сказать, что я скучаю.
Нельзя сказать, что я живу.
Не обижаясь, не жалея,
Не вспоминая, не грустя.
**...Так труп в песке лежит, не тлея,
И так рожденья ждет дитя.**

[32, с. 345]

Самым, пожалуй, пронзительным стихотворением этого плана можно считать «Эмалевый крестик в петлице...», представляющее собой экфрастическое описание фотографии царской семьи с печатью смерти на лицах – так видится лирическому герою прошлое из его эмигрантского настоящего (выделение наше. – А. Х.):

Какие прекрасные лица
И как безнадежно бледны –
**Наследник, императрица,
Четыре великих княжны...**

[32, с. 372]

Трагическая судьба императорского рода в контексте эмигрантского творчества поэта обретает экзистенциальную значимость: со смертью царской семьи прекратилась великая Россия, и для эмигрантов первой волны это означало и собственную гибель. В этой страшной ситуации особенно тяжело осознавать неоправданную смерть детей, они были восприняты обществом как жертва на закланье – невинно убиенные, что подчеркивает звериный характер новой власти, с чем никогда не могло смириться большинство эмигрантов первой волны. В категориях семейной темы эта трагедия означала великий грех отцеубийства и сиротство для родины (царь как отец подданным). Примечательно, что тема детства-сиротства продолжает сопровождать стихи об убийстве царской семьи и в настоящее время; яркий пример тому – стихотворение современного автора Александра Богатырева «Помни» (выделение наше. – А. Х.):

Не убежать от **русского сиротства...**
Горька и смрадна русская беда.
Мы дети тех, кто продал первородство
За цену крови, рабства и стыда.

.....
Над вздыбленной расхристанной Россией,
Где враг делил на «этих» и на «тех».
Лукавый хам, картавый лжемессия
Швырнул детей в отцеубийства грех.

[36]

В последних сборниках Г. Иванова усиливается ощущение безысходности и безнадежности, полуническое эмигрантское существование усугубляет депрессивное состояние поэта. Лирический герой, тщетно пытаясь собрать в своем больном сознании «распавшийся атом», по сути, бредит наяву. В его воспаленном мозгу мелькают разрозненные образы, обрывки фраз, спутанное сознание не позволяет отличить явь от сна. Герой испытывает эмоциональное опустошение, с медицинской точки зрения у него настоящая «диссоциация психической дея-

тельности», пограничное состояние, с точки же зрения эстетической перед нами экзистенциальный исход, стояние на краю пропасти, когда оказываются обесцененными все важнейшие, стержневые жизненные моменты: дом, семья, родина... Усиливается мотив сна и его эквивалентов – грез, бредовых видений, галлюцинаций (см. об этом в статье [37]). В его последнем сборнике «Посмертный дневник» (1958) есть стихотворение «Из спальни уносят лампу...», где пространство вокруг лирического героя начинает порождать inferнальных персонажей, пугающих своей отчетливостью и зримостью («И маленькая обезьяна // Спускается с потолка»). Серый зверек в колпачке крутит ручку шарманки и поет «„непонятную“ песенку, «баюкая спящих детей» [32, с. 575] (выделение наше. – А. Х.):

«Из холода, снега и льда
Зимой расцветают цветы,
Весной цветы облетают
И дети легко умирают.
И чайки летят туда,
Где вечно цветут кресты
На холмиках детских могил,
Детей, убежавших в рай...»

[32, с. 575]

Стихотворение является переработкой раннего текста поэта, в котором вместо спальни упомянута «детская» и отсутствует прямая речь: «И грустная песня о розах и смерти // Баюкает спящих детей» [32, с. 630]. Частотный у Г. Иванова случай автоцитации демонстрирует рефлексию на собственное творчество, пересмотренное с позиций эмигрантского существования. Поэт «распространяет» текст, добавляя песню обезьянки антипасторального содержания: цветы зацвели зимой, а увяли весной, дети «убежали в рай» – умерли. Перед нами поэтическая интерпретация обратного хода жизни, своеобразное «отматывание киноленты» в обратную сторону, странные видения, очень похожие на рассказы некоторых людей, переживших состояние клинической смерти. Это победа «мирового торжества» (ивановское обозначение равнодушного к человеку мира), что подтверждается контекстом всего сборника и красноречивым названием. Смерть – последнее из возможных действий, доступных человеку в ситуации «мирового уродства». Дети спаслись, «убежав в рай», и в этом их счастье, им не пришлось проделывать длинный и тяжелый путь жизни, приведший в конечном итоге к началу – к несуществованию.

Заключение

Таким образом, детская тема у Г. Иванова претерпевает метаморфозу: от идиллической интерпретации, построенной на культурных аллюзиях,

она превращается в экзистенциальную категорию, иллюстрирующую состояние сиротства, заброшенности и бездомности лирического героя, стоящего на пороге смерти.

Список литературы

1. Эпштейн М. Н. Отцовство: Роман-дневник / послесл. свящ. В. Зелинский. М.: Никея, 2014. 320 с.
2. Фельдштейн Д. И. Социальное развитие в пространстве – времени Детства. М.: Московский психол.-социальный ин-т; Флинта, 1997. 160 с.
3. Сапогова Е. Е. Культурный социогенез и мир детства: лекции по историографии и культурной истории детства: учеб. пособие. М.: Академический проект, 2004. 489 с.
4. Сальникова А. А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань: КГУ, 2007. 256 с.
5. Сальникова А. А. Детство как миф: некоторые аспекты изучения российско-советского детства в зарубежной историографии // *Clio Moderna. Зарубежная история и историография*. Казань: Мастер Лайн, 2002. С. 107–119.
6. Поливанова К. Н. Детство в меняющемся мире // *Современная зарубежная психология*. 2016. Т. 5, № 2. С. 5–10.
7. Суворкина Е. Н. Морфология субкультуры детства: дис. ... д-ра культурологии. Рязань, 2014. 222 с.
8. Пономарева С. А. Бытие жизненного мира ребенка: философско-синергетический подход: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Казань, 2012. 24 с.
9. Плескачевская А. А. Феномен детства: семиотический аспект социально-философского анализа: дис. ... канд. философ. наук. СПб., 1997. 147 с.
10. Попкова Т. Д. Мир детства как предмет философского исследования: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Пермь, 2005. 20 с.
11. Рыбинский Е. М. Феномен детства в современной России // *Педагогика*. 1996. № 6. С. 14–18.
12. Заварова А. Миф о детстве (осмысление детства в искусстве конца XIX – начала XX веков) // *Детская литература*. 1994. № 3. С. 71–74.
13. Мамычева Д. И. Феномен детства в европейской культуре: от скрытого дискурса к научному знанию: дис. ... канд. культурологии. СПб., 2009. 147 с.
14. Савицкая В. В. Феномен культуры детства в XX веке: автореф. дис. ... канд. культурологии. Нижневартовск, 2003. 23 с.
15. Мид М. Культура и мир детства: избр. произв. / сост. и послесловие И. С. Кона. М.: Наука, 1988. 429 с.
16. Kuhn R. *Corruption in Paradise: The Child in Western Literature*. Hannover, 1982. 264 p.
17. Elkind D. *The Hurried Child: Growing Up Too Fast Too Soon*. Cambridge: Perseus Publishing, 2001. 244 p.
18. James A. Giving Voice to Children's Voices: Practices and Problems, Pitfalls and Potentials // *American Anthropologist*. 2007. Vol. 109, № 2. P. 261–272.
19. James A., James A.L. *Constructing Childhood: Theory, Policy and Social Practice*. London: Palgrave Macmillan, 2004. 256 p.
20. Vollkommer R. Mythological Children in Archaic Art. On the Problem of Age Differentiation for Small Children // *PERIPLOUS. To Sir John Boardman from his Pupils and Friends*, G. R. Tssetskhladze, A. M. Snodgrass, A.J.N.W. Prag (eds.). London; N.Y.: Thames and Hudson, 2000. P. 371–382.
21. Matthews G. V. *The Philosophy of Childhood*. Cambridge, Mass.: HUP, 1994. 133 p.
22. Ястребов А. Н. Концепция детского характера и проблема отчуждения в творчестве Дж. Сэлинджера: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989. 14 с.
23. Федотова Л. В. Образ тинэйджера в английской, американской и русской литературе: вторая половина XX века: дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2003. 176 с.
24. Эпштейн М., Юкина Е. Образы детства // *Новый мир*. 1979. № 12. С. 25–38.
25. Дворяшина Н. А. Феномен детства в творчестве русских символистов (Ф. Сологуб, З. Гиппиус, К. Бальмонт). Сургут: РИО «СурГПУ», 2002. 291 с.
26. Дворяшина Н. А. Детство как духовно-нравственная ценность в русской литературе XX века. Сургут: РИО БУ «Сургутский государственный педагогический университет», 2018. 250 с.
27. Набоков В. *Другие берега*. СПб.: Азбука–Аттикус, 2011. 253 с.
28. Мир детства в русском зарубежье: III Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 25–27 марта 2009 г.): сб. докладов / сост. И. Ю. Белякова. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2011. 464 с.
29. Разумовская А. Г. «Сады петербургского детства» в поэзии эмигрантов // *Мир детства...* С. 371–377.
30. Кочеткова О. С. Мир детства в воспоминаниях Анатолия Штейгера: Россия в полусне // *Мир детства...* С. 377–388.
31. Адамович Г. В. *Собрание сочинений. Литературные заметки: в 5 кн. Кн. 2: «Последние новости» 1932–1933* / подг. текста, сост. и примеч. О. А. Коростелева. СПб.: Алетейя, 2007. 512 с.
32. Иванов Г. В. *Собрание сочинений: в 3 т. М.: Согласие, 1994. Т. 1. 656 с.*
33. Хадынская А. А. Акмеистические традиции в лирике А. Штейгера. *Известия Уральского федерального ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки*. 2016. Т. 18, № 4 (157). С. 38–54.
34. Арьев А. *Жизнь Георгия Иванова. Документальное повествование*. СПб.: ЗАО «Журнал Звезда», 2009. 514 с.
35. Хадынская А. А. *Пасторальные традиции в ранней поэзии Георгия Иванова*. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2011. 113 с.

36. Богатырев А. Прости (стихотворение). URL: <http://www.belrussia.ru/page-id-3517.html> (дата обращения: 18.09.2018).
37. Хадынская А. А. «Сон всегда освобожденье...»: символика сна в эмигрантской лирике Г. Иванова // Сюжетология и сюжетология. 2016. № 2. С. 56–65.

Хадынская Александра Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, Сургутский государственный университет (ул. Ленина, 1, Сургут, Россия, 628412). E-mail: opus2000@mail.ru

Материал поступил в редакцию 24.09.2018.

DOI: 10.23951/1609-624X-2019-1-58-66

CHILDREN'S THEME IN LYRICS OF G. IVANOV

A. A. *Khadynskaya*

Surgut State University, Surgut, Russian Federation

Introduction. The article deals with the theme of childhood in the lyrics of Georgy Ivanov, according to the testimony of many, the best poet of Russian émigré, belonging to the generation of the first wave of emigration. *Aim and objectives.* The purpose of the study is to trace the theme of childhood on the material of the whole corpus of G. Ivanov's lyrics, taking into account the influence of the poet's acmeistic attitudes, as well as the formation of an existential worldview in his late work, and to trace the evolution of the poet's children's theme from the idyllic image of children in the context of the pastoral complex, typical for his early poetry, to the existential inherent in his mature work. *Materials and research methods.* The research methodology is based on the interpretation of literary texts based on theoretical and literary concepts (acmeism, literary tradition, poetry of the diaspora and metropolis, etc.). A comparative historical method was also applied to the analysis of texts that are typologically close, but have a temporal distance. *Results and discussion.* We examined the evolution of the children's theme in the poet in connection with the acmeistic views of the author, identified the metamorphosis of the theme in connection with the appearance in the lyrics of nostalgic and existential themes related to emigration. *Conclusion.* The lyrical embodiment of the childhood theme of the early G. Ivanov is connected with his acmeistic attitudes, the images of children have the appearance of a "cultural cliché" (cupids, angels, peasant girls) and are written in the common pastoral modus. Childhood, in accordance with N. Gumilev's geospherical attitudes, whose circle included the poet, is perceived by G. Ivanov as the beginning of a cultural journey, therefore the juvenile subject is accompanied by a large number of literary and culturological allusions. In the emigrant lyrics, the theme of childhood turns out to be inextricably linked with the mortal theme, which corresponds to the general mood of the latest collections of the poet. The image of childhood is distorted, sometimes beyond recognition, in the general mood of hopelessness, nostalgia and émigré longing.

Key words: *Georgy Ivanov, the poetry of the first wave of Russian emigration, the theme of childhood, pastoral motifs, ecphrasis, allusion, acmeistic traditions, existential motives.*

References

1. Epshteyn M. N. *Otsovstvo: Roman-dnevnik. Poslesl. svyashch. V. Zelinskii* [Fatherhood: A novel diary. Afterword by priest. V. Zelinsky]. Moscow, Nikeya Publ., 2014, 320 p. (in Russian).
2. Fel'dshteyn D. I. *Sotsial'noye razvitiye v prostranstve – vremeni Detstva* [Social development in space – time of Childhood]. Moscow, Moscow Psychological and Social Institute; Flinta Publ., 1997. 160 p. (in Russian).
3. Sapogova E. E. *Kul'turnyye sotsiogenezy i mir detstva: lektsii po istoriografii i kul'turnoy istorii detstva: ucheb. posobiye* [Cultural sociogenesis and the world of childhood: lectures on the historiography and cultural history of childhood]. M.: Akademicheskiy proekt, 2004. 489 p. (in Russian).
4. Sal'nikova A. A. *Rossiyskoye detstvo v XX veke: Istoriya, teoriya i praktika issledovaniya* [Russian childhood in the twentieth century: History, theory and practice of research]. Kazan', KSU Publ., 2007. 256 p. (in Russian).
5. Sal'nikova A. A. *Detstvo kak mif: nekotorye aspekty izucheniya rossiysko-sovetskogo detstva v zarubezhnoy istoriografii* [Childhood as a myth: some aspects of the study of Russian-Soviet childhood in foreign historiography]. *Clio Moderna. Zarubezhnaya istoriya i istoriografiya* [Clio Moderna. Foreign history and historiography]. Kazan', Master Layn Publ., 2002. Pp. 107–119 (in Russian).
6. Polivanova K. N. *Detstvo v menyayushchemsya mire* [Childhood in a changing world]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya – Journal of Modern Foreign Psychology*, 2016, vol 5, no. 2, pp. 5–10 (in Russian).
7. Suvorkina E. N. *Morfologiya subkul'tury detstva. Dis. dokt. kul'turologii* [The morphology of childhood subculture. Diss. doct. of culturology]. Ryazan', 2014. 222 p. (in Russian).
8. Ponomareva S. A. *Bytiye zhiznennogo mira rebenka: filosofsko-sinergeticheskiy podkhod. Avtoref. dis. kand. filosof. nauk* [The life of the child's life world: a philosophical synergistic approach. Abstract of thesis cand. philos. sci.]. Kazan', 2012. 24 p. (in Russian).

9. Pleskachevskaya A. A. *Fenomen detstva: semioticheskiy aspekt sotsial'no-filosofskogo analiza*. Dis. kand. filosof. nauk [The phenomenon of childhood: the semiotic aspect of socio-philosophical analysis. Dis. cand. philos. sci.]. Saint Petersburg, 1997. 147 p. (in Russian).
10. Popkova T. D. *Mir detstva kak predmet filosofskogo issledovaniya*. Avtoref. dis. kand. filosof. nauk [The world of childhood as a subject of philosophical research. Abstract of thesis cand. philos. sci.]. Perm', 2005, 20 p. (in Russian).
11. Rybinskiy E. M. *Fenomen detstva v sovremennoy Rossii* [The phenomenon of childhood in modern Russia]. *Pedagogika*, 1996, no. 6, pp. 14–18 (in Russian).
12. Zavarova A. *Mif o detstve (osmysleniye detstva v iskusstve kontsa XIX – nachala XX vekov)* [The myth of childhood (understanding of childhood in the art of the late XIX – early XX centuries)]. *Detskaya literatura*, 1994, no. 3, pp. 71–74 (in Russian).
13. Mamycheva D. I. *Fenomen detstva v evropeyskoy kul'ture: ot skrytogo diskursa k nauchnomu znaniyu*. Dis. kand. kul'turologii [The phenomenon of childhood in European culture: from hidden discourse to scientific knowledge. Diss. cand. of culturology]. Saint-Petersburg, 2009. 147 p. (in Russian).
14. Savitskaya V. V. *Fenomen kul'tury detstva v XX veke*. Avtoref. dis. kand. kul'turologii [The phenomenon of the culture of childhood in the XX century. Abstract of thesis of cand. of culturology]. Nizhnevartovsk, 2003. 23 p. (in Russian).
15. Mid M. *Kul'tura i mir detstva: izbr. proizv. Sost. i poslesloviye I. S. Kona* [Culture and the world of childhood: selected works. Compiler and afterword by I. S. Kon]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 429 p. (in Russian).
16. Kuhn R. *Corruption in Paradise: The Child in Western Literature*. Hannover, 1982. 264 p.
17. Elkind D. *The Hurried Child: Growing Up Too Fast Too Soon*. Cambridge, Perseus Publishing Publ., 2001. 244 p.
18. James A. Giving Voice to Children's Voices: Practices and Problems, Pitfalls and Potentials. *American Anthropologist*, 2007, vol. 109, no. 2, pp. 261–272.
19. James A., James A. L. *Constructing Childhood: Theory, Policy and Social Practice*. London, Palgrave Macmillan Publ., 2004. 256 p.
20. Vollkommer R. Mythological Children in Archaic Art. On the Problem of Age Differentiation for Small Children. *PERIPLUS. To Sir John Boardman from his Pupils and Friends*, G. R. Tsetskladze, A. M. Snodgrass, A.J.N.W. Prag (eds.). London; N.Y.: Thames and Hudson Publ., 2000. Pp. 371–382.
21. Matthews G. B. *The Philosophy of Childhood*. Cambridge, Mass. HUP Publ., 1994. 133 p.
22. Yastrebov A. N. *Kontsepsiya detskogo kharaktera i problema otchuzhdeniya v tvorchestve Dzh. Selindzhera*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [The concept of children's character and the problem of alienation in the works of J. Salinger. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Moscow, 1989. 14 p. (in Russian).
23. Fedotova L. B. *Obraz tineydzhera v angliyskoy, amerikanskoj i russkoj literature: vtoraya polovina XX veka*. Dis. kand. filol. nauk [The image of a teenager in English, American and Russian literature: the second half of the XX century. Dis. cand. philol. sci.]. Maykop, 2003. 176 p. (in Russian).
24. Epshteyn M., Yukina E. *Obrazy detstva* [Images of childhood]. *Novyy mir*, 1979, no. 12, pp. 25–38 (in Russian).
25. Dvoryashina N. A. *Fenomen detstva v tvorchestve russkikh simvolistov (F. Sologub, Z. Gippius, K. Bal'mont)* [The phenomenon of childhood in the works of Russian Symbolists (F. Sologub, Z. Gippius, K. Balmont)]. Surgut, RIO «SurGPU» Publ., 2002, 291 p. (in Russian).
26. Dvoryashina N. A. *Detstvo kak dukhovno-nravstvennaya tsennost' v russkoj literature XX veka* [Childhood as a spiritual and moral values in the Russian literature of XX century]. Surgut, RIO BU «Surgutskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet» Publ., 2018. 250 p. (in Russian).
27. Nabokov V. *Drugiy berega* [Other shores]. Saint Petersburg, Azbuka-Attikus Publ., 2011. 253 p. (in Russian).
28. *Mir detstva v russkom zarubezh'e: III Kul'turologicheskiye chteniya «Russkaya emigratsiya XX veka» (Moskva, 25–27 marta 2009 g.): sb. dokladov*. Sost. I. Yu. Belyakova [The world of childhood in the Russian diaspora: III Cultural readings «Russian emigration of the 20th century. Moscow, March 25–27, 2009: collection of reports. Compiler I. Yu. Belyakova]. Moscow, Dom-muzey Mariny Tsvetaevoy Publ., 2011, 464 p. (in Russian).
29. Razumovskaya A. G. «Sady peterburgskogo detstva» v poezii emigrantov [«Gardens of St. Petersburg childhood» in the emigrant poetry]. *Mir detstva* [The world of childhood]. Pp. 371–377 (in Russian).
30. Kochetkova O. S. *Mir detstva v vospominaniyakh Anatoliya Shteygera: Rossiya v polusne* [The world of childhood in the memories of Anatoly Steiger: Russia is half asleep]. *Mir detstva* [The world of childhood]. Pp. 377–388 (in Russian).
31. Adamovich G. V. *Sobraniye sochineniy. Literaturnye zametki: v 5 kn. Kn. 2 («Posledniye novosti» 1932–1933)*. Podg. teksta, sost. i primech. O. A. Korosteleva [Collected Works. Literary notes: 5 books. Book 2. Text preparation, note compilation O. A. Korosteleva]. Saint Petersburg, Aleteyya Publ., 2007. 512 p. (in Russian).
32. Ivanov G. V. *Sobraniye sochineniy v 3 tt. Tom 1* [Collected Works in 3 vols. Vol. 1]. Moscow, Soglasie Publ., 1994. 656 p. (in Russian).
33. Khadynskaya A. A. Akmeisticheskiye traditsii v lirike A. Shteygera [Acmeistic traditions in the lyrics of A. Steiger]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki – Izvestia of the Ural Federal University. Series 2. Humanities and Arts*, 2016, vol. 18, no. 4 (157), pp. 38–54 (in Russian).
34. Ar'ev A. *Zhizn' Georgiya Ivanova. Dokumental'noye povestvovaniye* [The life of Georgy Ivanov. Documentary narration]. Saint Petersburg, ZAO «Zhurnal Zvezda» Publ., 2009, 514 p. (in Russian).
35. Khadynskaya A. A. *Pastoral'nye traditsii v ranney poezii Georgiya Ivanova* [Pastoral traditions in the early poetry of Georgy Ivanov]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2011. 113 p. (in Russian).
36. Bogatyrev A. *Prosti (stikhovoreniye)* [Sorry (poem)]. URL: <http://www.belussia.ru/page-id-3517.html> (accessed 18 September 2018) (in Russian).
37. Khadynskaya A. A. «Son vsegda osvobozhden'e...»: simbolika sna v emigrantskoj lirike G. Ivanova [«Dream is always the Relief...»: Symbols of Sleep in Émigré Lyrics of G. Ivanov]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*, 2016, no. 2, pp. 56–65 (in Russian).

Khadynskaya A. A., Surgut State University (ul. Lenina, 1, Surgut, Russian Federation, 628412). E-mail: opus2000@mail.ru